

М.М. Маннапов

К вопросу о межэтнических контактах и летних кочевках башкир и калмыков в XVII в. в Степном Заволжье

Степи Заволжья, как известно из источников с эпохи Средневековья, входили в обширную зону кочевых территорий башкирских родов и племен (Ибн Фадлан, Идриси и др.). В начале XVII в. на исконной территории башкир в Приуралье и в Степном Заволжье появляется новая политическая сила – калмыки. В этот период они начали движение на запад к верховьям рек Яика и Ори. В 1608 г. часть калмыков появилась на реке Эмбе, где их обнаружили ногаи, кочевавшие по Яику. Тогда и произошло первое столкновение между калмыками и ногаями. В 1611 г. ногайский князь Иштерек, кочевавший по Яику, сказал русскому переводчику Прокофию Врасскому, что он посылает в Москву только небольшой вспомогательный отряд, потому что опасается нападения калмыков, а мурза Келмамет отказался присоединиться к этому отряду под предлогом, что стоит на заставе против башкир и калмыков. Прокофий Врасский возразил Келмамету, что на башкирской стороне стоять на заставе против калмыков не приходится, так как калмыки идут из-за Яика, а не от Уфы.

Итак, наметился новый маршрут, по которому двигались калмыки – на Эмбу, Яик и далее к Волге. Данное направление имело большое значение, так как движение на север натолкнулось на сопротивление вооруженных русских военных сил. Калмыкам были необходимы звероловные и рыболовные угодья, но возле сибирских городов такие угодья были уже заняты русскими поселенцами. Движение калмыков в яицком направлении также встретило сопротивление [1, с. 56–57]. Следует отметить, что ожидание мурзой Келмаметом нападения башкир предполагает их присутствие в Степном Заволжье. Во второй половине XVI – начале XVII в. башкиры кочевали в степях Степного Заволжья по рекам Большой и Малый Узень, Чижи в низовьях Яика. Во время тебеневок в Степном Заволжье у башкир возникали споры с калмыками [2, с. 504; 3, с. 159; 4, с. 25]. Первоначально калмыки проявляли большую сдержанность по отношению к башкирам. В 1623 г. один из тайш упрекал башкир, что они вторгаются в занятые калмыками места, а калмыки не могут ничего сделать, так как старшие тайши запретили обижать башкир. Последние так осмелели, что один башкир на охоте убил калмыка «за посмеих» [1, с. 62]. С этого момента начались башкирско-калмыцкие конфликты, которые усилились с появлением калмыков в верховьях Тобола, на среднем течении Яика, по Илеку, Ори, Киилу (Кизилу)

и Сакмаре [4, с. 88], т.е. на основных территориях проживания башкир. К сожалению, мнение авторитетного исследователя Н.В. Устюгова о том, что эти территории использовались башкирами как охотничьи угодья [5, с. 49], закрепилось в исторической литературе, тем самым исказилась реальная историко-географическая этнокартина. В действительности в данных местностях проживали и проживают представители башкирских родов бурзян, усерган, тангаур и кыпсак, поэтому башкиры не могли отказаться от своих территорий, так как это принесло бы экономический ущерб их собственному хозяйству.

Калмыки вели непрерывные войны со своими соседями – башкирами, ногаями и казаками. В основном борьба шла за кочевья. Выбор места кочевки зависел от политических соображений. В 1629 г. астраханский воевода Ф. Куракин обнаружил калмыков Хо-Орлюка в низовьях Эмбы и доложил в Москву, что калмыцкие тайши приблизились к Яику, желают быть «в холопстве», т.е. просят о подданстве, а также разрешения на кочевания по Эмбе и Яику [6, с. 51]. 24 июня 1630 г. послам Балте и Баучину по вопросу территории для кочевий не было разрешено кочевать в Приуралье и Эмбе и порекомендовали уходить на старые кочевья к сибирским городам, где они прежде кочевали, чтоб «им с нагай и з башкирцы ссор не было». В июле 1630 г. в Москву прибыли послы от Далай-Батыра с просьбой о разрешении на кочевку вблизи Уфы, а уфимский воевода И.Г. Желябужский еще раз напомнил калмыкам, что в башкирских вотчинах по Эмбе и по Яицким вершинам им кочевать запрещено, а также чтобы «по Яику бы вниз и по Эмбе и по Тоболу не кочевали» и возвращались на кочевьях в Иртышских вершинах [3, с. 159]. Следовательно, в источниках говорится о пределах башкирских вотчин, которые располагались до Эмбы, но из-за малочисленности башкиры были вынуждены оставить территорию и переселиться в Уфимскую провинцию на берега Белой, Сакмары и Ика [1, с. 13]. Большая вероятность того, что часть башкир, чтобы не потерять свои кочевья признали власть калмыков.

Калмыки не желали делить с ногаями богатые пастбища междуречья Волги и Яика. В 22 апреля 1633 г. объединенные силы русских и ногайцев потерпели поражение, поэтому некоторые из ногаев, не чувствуя себя в безопасности, откочевали на Дон и при этом принудили к переселению часть подвластных им башкир, которые через некоторое время вернулись

[6, с. 58–59]. С этого момента калмыки становятся полными хозяевами региона, окончательно оттеснив ногайцев за Волгу, на правобережье. При этом они в 1634–1635 гг. совершили дерзкие военные походы в Волго-Уральское междуречье. Нужно отметить, что на Яике расположился со своими улусами старший сын Хо-Орлюка Дайчин, а сам Хо-Орлюк остановился на Эмбе [8, с. 13]. Таким образом, в 30-х гг. XVII в. присутствие калмыков в степях Заволжья и Южного Урала носило характер непродолжительных военных экспедиций, которые стали повторяться все чаще, но постоянные калмыцкие кочевья расположились к востоку от Эмбы.

С начала 40-х гг. XVII в. обнаруживается тенденция к освоению пространства между Яиком и Волгой как постоянных кочевий. Тайша Лаузан кочевал в Рын – песках по рекам Большой и Малый Узень, приближаясь к Астрахани на расстоянии трех дней пути, намеревался кочевать на урочище Иргизе между Самарой и Саратовом. Летом 1643 г. Хо-Орлюк перешел Яик и прикочевал к Самаре, а его сыновья Сююнч и Шункей расположились по Чагре на расстоянии дневного перехода от Самары к югу [1, с. 78–81]. В 1644 г. возмущенная нападениями калмыков царская администрация решила вытеснить их за Яик. Из Уфы и Астрахани воеводы Л. Плещеев и Ф. Волконский направили к калмыцким улусам отряд русских ратных людей и башкирских воинов и вытеснили калмыков за Яик, на Орь, Иргиз, Илек, Оил и Сагыз [9, с. 8; 10, с. 106]. В 1645 г. Дайчин тайша уладил конфликт мирным путем, и потому калмыки, возглавляемые тайшами Лаузаном, Шункеем, Йелденом, Нама-Сереном, продолжали кочевать на Илецких и Индерских вершинах, по рекам Уил, Киил, Сагыз, т.е. между Яиком и Эмбой, а в 1649 г., как отмечают источники, улусы кочевали по Яику, Ори, Сакмаре, Киилу [6, с. 45].

В апреле 1646 г. сорвался процесс переговоров между уфимским представителем царской администрации стрелецким сотником А.Б. Кудрявцевым и тайшой Лаузаном по причине обострения калмыцко-башкирских отношений из-за неурегулирования вопроса о кочевьях в верховьях Яика [11, с. 58]. Остро стоял вопрос о кочевьях в бассейне реки Большой Иргиз, где произошли столкновения с башкирами «Ицких волостей Ногайской дороги». Сегодня название местности в Большечерниговском районе Самарской области, где XVII в. произошло сражение башкир с калмыками имеет специфическое название «Оло уба» (Большой курган). (Информатор Хадый Давлетбаевич Хасьянов (1938 г.р., д. Утекаево Большечерниговского района Самарской области) вспоминал рассказы старожилы Сагадея Фахретдинова – уроженца д. Муратшино Большеглушицкого района и жителя д. Кочкиновка Большечерниговского района Самарской области).

В июле 1649 г. царская администрация предложила Дайчину отойти за Яик и Эмбу для прекращения

столкновений с башкирами [11, с. 58]. Дайчин тайша при разговоре с Иван Онучиным о причинах и перспективах калмыцко-башкирских столкновений ясно давал понять, что башкиры вправе сами решать, кому подчиняться, они все равно перейдут под его руку, потому что он сильнее и его верховенство для них предпочтительнее русского владычества [6, с. 58–90]. Дайчин ценил боевой дух башкир и не терял надежды привлечь их на свою сторону. По мнению Дайчина, быстрое подчинение ему башкир было невозможно, поскольку в вооруженных стычках победа в большинстве случаев доставалась башкирам. По этой причине он задумал добиться добровольного подчинения башкир калмыкам [5, с. 53]. Вскоре Дайчин захватил 200 башкирских дворов и склонил к отъезду еще 1500 дворов. Влиятельный тархан Ногайской дороги Ишмухамет Давлетбаев признал над собой власть калмыцкого тайши Аюки и получил от него район кочевья вверх по Яику, а башкир «Ицких волостей» Карабаш Утеев подчинился Дайчину и собирался кочевать с ними по Волге [6, с. 90]. Астраханский боярин Петр Шубников, прибывший в улусы Дайчина в январе 1663 г., встретил там башкир, которые договорились с Дайчином о переезде в его улусы и только «упростили срока до лета, покамест хлеб снимут» [5, с. 91]. Г.И. Перетяткович отметил, что «земли луговой стороны (Заволжья. – М.М.) в продолжение первой четверти XVIII в. было вполне во власти калмыков, которых посещали наездом – башкирцы. Область, орошаемая реками Б. и М. Иргизами, был местом, где, кажется, они временно встречались и вместе кочевали» [12, с. 127–133].

Исследователь А.А. Гераклитов убежден, что близкое соседство с калмыками и башкирами уменьшает безопасность соседних территорий. Так, крестьяне монастырских поселений Терса и Мальковка на правой стороне Волги свидетельствовали перед правительством, что земли и угодья, отведенные их монастырю в конце XVII в. на левой стороне Волги, «остались не меряны и не межеваны, потому что межевать той земли и с вервью идти и столбов ставить и ям копать и на деревьях грани наскать невозможно для того что по Иргизу и по степи калмыки и башкирцы кочуют зимовьями; а oprичь татарских кочевий на той луговой стороне русских людей жилья ничего нет». Эти же старожилы жаловались, что земли невозможно размежевать, так как по р. Иргизу «калмыки и башкирцы воровскими кочевьями и зимуют и за зверьями ходят и их колот и грабят и от того их воровства они на луговой стороне пашни не пашут и сен не косят, а вокруг де той земли дикая порозжая степь и жилья ничего нет» [13, с. 333].

В 1680 г. в Казанский дворец из разных мест с Ломовой черты воеводы сообщали, что приходившие к Пензе азовцы, калмыки, черкесы, возвращавшиеся с полоном, встретили калмыков и башкир

«и промеж собою советовали», а «воинским людям» велели идти на «украинные» города. На Яик была прислана военная помощь Аюке, который захотел прийти к низовым и «украинным» городам, соединяясь с башкирами. В разных числах июля 1680 г. видели переход калмыков и башкир [14, с. 44, 113]. Следовательно, утверждение самарского исследователя Ю.Н. Смирнова о невозможности постоянного совместного обитания и регулярных кочевек башкир и калмыков в Степном Заволжье является ошибочным [15, с. 8].

Нормативные документы 1655 г., а также 1657 и 1661 гг. окончательно оформили принятие калмыками российского подданства и определили место их обитания. С начала второй половины XVII в. калмыки обрели постоянные и обширные территории – оба берега Волги, от Астрахани до Царицына и Самары, к степи Придонья, по которой они могли беспрепятственно и спокойно кочевать [11, с. 61, 67]. Следовательно, Русское государство предоставило калмыкам территорию для кочевек за счет малозаселенных русскими земель на юго-востоке, а также за счет территории обитания ногаев и кочевек башкир. Например, был потерян ряд совместных кочевий в долине реки Сал [6], которые вскоре были преобразованы в Сальский калмыцкий округ Донского казачьего войска.

Следует отметить, что после подписания договора 1661 г. русское правительство повело решительную борьбу с набегами башкир на калмыцкие владения [16, с. 69]. Возможно, в связи развернувшимися событиями башкиры в 1661 г. ходатайствовали о подтверждении жалованной грамоты царскими властями, и результат был положительным. Согласно тексту жалованной грамоты границы расселения юго-восточных башкир, согласно шежере, определялись течениями рек Кизил, Сакмара, Зилаир, Большой и Малый Сурень, Саелмыш, Таналык, Ассель, т.е. восточные и южные пределы расселения башкир доходили в конце XVI–XVII вв. до Яика и ее правых притоков [4, с. 23]. Территория, нижняя граница которой шла «от упомянутого Сарымсака, три Узени,

до горы в степной стороне, три реки Узени и Камелек, от истоков до устьев со всеми горами; верхняя граница – до глубокого Дурткуль», являлась особенным владением племени бурзян [17, с. 200–203]. Тем самым с принятием калмыками русского подданства и предоставления им территории ареал обитания башкирских племен сократилась до рек Большой и Малый Узень, Большой и Малый Чижи (Сэде). Необходимо отметить, что большинство калмыков, посчитавших себя стесненными, в 1771 г. покинули регион, откочевав на свою историческую родину – в Джунгарию [18, с. 170]. После этого башкиры в массовом порядке стали возвращаться на свои старые кочевки в бассейнах рек Большой и Малый Узень, Большой и Малый Чижи (Сэде) и у озера Сакрыль [7, с. 14].

Таким образом, в начале XVII в. в Волго-Уральском регионе появились новый кочевой народ – калмыки, которым были необходимы звероловные и рыболовные угодья, и по этой причине на протяжении века постоянно происходили их столкновения с башкирами. Во второй половине XVI – начале XVII в. башкиры кочевали в степях по рекам Узень, Чижи (Сэде), Эмба, Чаган и низовья Яика и не могли отказаться от своих территорий, так как это принесло бы экономический ущерб их хозяйствам. В результате усиления калмыков башкиры вынуждены были оставить Степное Заволжье и переселиться в Уфимскую провинцию. Мы можем предположить, что часть башкир, чтобы сохранить свои кочевья, признали номинальную власть калмыков. Калмыки в лице тайши Дайчина ценили боевой дух башкир и в большинстве случаев привлекали их как наемников-вассалов в ряды своего воинского контингента для совершения военных походов. По нашему мнению, башкиры Степного Заволжья сосредоточили свой военный потенциал с X в. от рек Чагана до Кондурча, а в начале XVII в. источники отмечают пределы башкирских вотчин, которые располагались до Эмба. С принятием русского подданства калмыкам предоставили территорию за счет кочевек башкир, которые были сокращены до бассейнов рек Узень и Чижи (Сэде).

Библиографический список

1. Богоявленский, С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века / С.К. Богоявленский // Исторические записки. – 1939. – Т. 5.
2. Кузеев, Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения / Р.Г. Кузеев. – М., 1974.
3. Материалы по истории русско-монгольских отношений. – М., 1959.
4. Томашевская, Н.Н. От социального пространства к социальному времени: Опыт этнической истории башкирского этноса в новое время / Н.Н. Томашевская. – Уфа, 2002.
5. Устюгов, Н.В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. / Н.В. Устюгов // Исторические записки. – 1947. – Т. 24.
6. Колесник, В.И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII–XVIII веках / В.И. Колесник. – М., 2003.
7. Асфандияров, А.З. История башкирских деревень Саратовской и Самарской областей Российской Федерации / А.З. Асфандияров, К.М. Асфандиярова. – Уфа, 2002.
8. Беликов, Т.И. Калмыки в борьбе за независимость нашей родины (XVII – начало XIX вв.) / Т.И. Беликов. – Элиста, 1965.
9. Кичиков, М.Л. О социально-экономических и политических предпосылках поселения калмыков (части ойратов) в степях Приуралья и Нижнего Поволжья / М.Л. Кичиков // Вестник Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете Министров Кал-

К вопросу о межэтнических контактах и летних кочевках башкир и калмыков...

мыцкой АССР. – Вып. 15. – Серия историческая. – Элиста, 1976.

10. Очерки истории Калмыцкой АССР. – М., 1967.

11. Максимов, К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.) / К.Н. Максимов. – М., 2002.

12. Перетяткович, Г.И. Поволжье в XVI–XVII вв. / Г.И. Перетяткович. – М., 1857.

13. Гераклитов, А.А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. / А.А. Гераклитов. – Саратов. 1923.

14. Новосельский, А.А. Исследования по истории эпохи феодализма / А.А. Новосельский. – М., 1994.

15. Смирнов, Ю. Башкиры в Степном Заволжье (конец XVIII в. – середина XIX в.) / Ю. Смирнов // Истоки. – 2001. – №6.

16. Преображенская, П.С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х годах XVII века / П.С. Преображенская // Записки Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете Министров Калмыцкой АССР. – Вып. 1. – Элиста, 1960.

17. Башкирское шежере / сост., перевод текстов и комментарии Р.Г. Кузеева. – Уфа, 1960.

18. Новиков, А. Заволжский кордон / А. Новиков // Волга. – 1995. – №10.